

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-2-280-294

EDN: NWWHEW

Научная статья / Research article

Репрезентация модусных смыслов в транскультурном художественном тексте

А.Б. Туманова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
Казахстан, 050040, Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71

✉ a.tumanova@inbox.ru

Аннотация. Раскрывается актуальная проблема репрезентации субъективной модальности в транскультурном художественном тексте. Представлен краткий обзор научной информации о модусе и диктуме, о типах модусных слыслов, специфике языковой личности инонационального писателя. Цель исследования — определить основные способы выражения модусных смыслов в художественном тексте и их особенности. Используются следующие методы и приемы: структурно-семантический анализ, контекстуальный, описательный метод и др. Особое внимание уделяется описанию сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными как эффективного способа экспликации модусных смыслов, посредством которых выявляется уникальное мировидение и мировосприятие писателя/поэта, особенности его национального сознания. С целью иллюстрации полученных результатов исследования авторами использованы фрагменты из произведений современных русскоязычных писателей Казахстана.

Ключевые слова: категория модальности, модус, диктум, модусные смысловы, субъективная (авторская) модальность, транскультурный художественный текст

История статьи: поступила в редакцию 18.12.2023; принята к печати 19.01.2024

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Туманова А.Б. Репрезентация модусных смыслов в транскультурном художественном тексте // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 2. С. 280–294. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-280-294>

Representation of Modus Meanings in a Transcultural Literary Text

Ainakul B. Tumanova

al-Farabi Kazakh National University,
71 al-Farabi avenue, Almaty, 050040, Kazakhstan
✉ a.tumanova@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the actual problem of the representation of subjective modality in a transcultural literary text. It provides a brief overview of scientific information about mode and dictum, about the types of modus words, the specifics of the linguistic personality of a non-national writer. The purpose of this article is to determine the main ways of expressing modus meanings in a literary text and their features. The following methods and techniques were used: structural-semantic analysis, contextual, descriptive method, etc. Particular attention is paid to the description of complex sentences with explanatory clauses as an effective way of explication of modus meanings, through which the unique worldview and worldview of the writer / poet, the features of his national consciousness are revealed. In order to illustrate the results of the study, the authors used fragments from the works of modern Russian-speaking writers of Kazakhstan.

Key words: category of modality, modus, dictum, modus meanings, subjective (author's) modality, transcultural literary text

Article history: received 18.12. 2023; accepted 19.01.2024

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Tumanova, A.B. 2024. "Representation of Modus Meanings in a Transcultural Literary Text." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (2), 280–294. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-2-280-294>

Введение

Известно, что проблема билингвизма является актуальной и рассматривается в лингвистике как в советский, так и постсоветский период во всех союзных республиках, в том числе и в Казахстане. Следует отметить тот факт, что в это время наблюдается процесс активного усвоения национальной языковой картины мира (ЯКМ) прежде всего двух народов — русского и родного (например, казахского), в результате которого формируется билингвальная языковая личность, усвоившая языки соответственно с культурой народов — носителей этих языков. Особый интерес в этом отношении вызывает творчество писателей инонациональной культуры, пишущих на русском языке, авторов-билингвов, которых научное сообщество уже по традиции объединило в одну типологическую общность под названием «русскоязычных писателей-билингвов». В этой связи в современной науке отмечается, что, «когда соединение истории с лингвистикой в новой исторической данности стало объективным, возникла возможность историко-лингвистического анализа процессов, характерных для единой в XX в. общности, в частности — русско-национального коммуникативного двуязычия / билингвизма, в пределах которого

особое место занимает художественный билингвизм. При этом художественный текст, обусловленный билингвальным творческим сознанием, до сих пор остается одним из самых загадочных и малоизученных лингвистических объектов» [1]. Эта идея была представлена еще ранее в диссертационном исследовании У.М. Бахтикереевой; она заключается «в постановке проблемы особых свойств обусловленного творческим билингвальным сознанием текста, в котором описывается национальный образ „первичной“ культуры средствами „вторичной“ языковой культуры, что выводит на познание природы билингвальной личности через ее приобретенный — русский язык и неисчерпаемых возможностей языка. Причем речь идет о языке, выражающем через свою систему речевых знаков значения, которые присущи иному языку» [2. С. 3].

Обзор научной информации позволяет нам называть художественные тексты данного типа транскультурными, в которых наблюдается сочетание двух культур (см работы: З.Г. Прошиной, М. Тлостановой, У.М. Бахтикереевой, М. Джусупова, Н.М. Джусупова и др.). Обращение к анализу транскультурных текстов вызвано необходимостью описания «особости» их функционирования: изображение жизни казахского народа, его быта, национальной культуры и географического местоположения не на казахском языке, а на русском — языке другой русской культуры.

Действительно, в художественном тексте русскоязычного писателя-билингва наблюдаются интересные и, на первый взгляд, необъяснимые процессы. Схематически это можно объяснить следующим образом: обозначим языковую личность русского писателя лингвистическим субъектом — L-1 (Language), а отражение им этно- и лингвокультуры русского народа как представителем данного этноса — C-1 (Culture), соответственно языковую личность казахского писателя — L-2 и отражение им этно- и лингвокультуры казахского народа — C-2. В нашем случае, как можно заметить, нет прямого соответствия: L-1 — C-1 или L-2 — C-2, а получается некая асимметрия: L-1 — C-2. Причем следует отметить, что на месте художника слова (L-1) — языковая личность не русская, а личность писателя-билингва, думающая, мыслящая и пишущая на русском языке (в нашем случае — казах). Нами рассматривается именно это «несоответствие», в процессе которого происходит некое наложение, соприкосновение, проникновение двух культур — русской со стороны средства повествования и казахской, так как отображается объективная действительность казахского народа. Этим вызвано принципиально важное для нас положение о том, что русскоязычный писатель-казах, творящий на русском языке, формирует ЯКМ не русскую (это касается не только объекта повествования) и не казахскую, так как пишет о казахском народе на русском языке. В результате русскоязычный писатель, описывая окружающую действительность объективного мира казахского народа, широко вводит в языковую ткань произведений различные единицы, передающие генетически родные для него

реалии, заполняя лакуны, соответствующие русской картине мира и русской ЯКМ. Именно в таком процессе творчества и сказывается особый генетический код писателя-казаха, который позволяет наиболее точно, ярко, образно передать особенности характера, поступков, обычаев и традиций казахского народа при помощи различных способов их языковой экспликации [3. С. 10–12].

В качестве источника языкового материала в работе использованы фрагменты из произведений казахстанских русскоязычных писателей: А. Алимжанова, Б. Джандарбекова, С. Санбаева, А. Жаксылыкова и др.

Обсуждение

Известно, что с позиции антропоцентризма вопросы, связанные с выражением категории модальности (в частности модуса и диктума), были и остаются актуальными в современной филологической науке. Слово *модус* (от ср.-лат. *modalis* — модальный; лат. *modus* — мера, способ) этимологически родственно термину *модальность* [4]. Анализ научной литературы по данной теме позволяет говорить о том, что модус представляется комплексом семантических категорий: персональностью, временной и пространственной локализацией, персуазивностью, модальностью, авторизацией, оценочностью и др. В рамках статьи ограничимся изучением соотношения понятий «модус» и «модальность» как взаимосвязанных и взаимообусловленных.

Термины «модус» и «диктум», введенные в научный оборот Ш. Балли, активно используются при описании структурно-семантических особенностей предложения как высшей единицы грамматической системы языка. По мнению ученого, в предложении — «это наиболее простая возможная форма сообщения мысли» — выделяется диктум, который коррелятивен процессу, образующему представление (основное содержание), и модус, выражающий модальность, который коррелятивен операции, производимой мыслящим субъектом с учетом его психо-, этнолингвистических особенностей, естественно влияющих на его картину мира и ЯКМ. Выражением модальности служит модальный глагол (*думать, радоваться, желать* и др.), а его субъектом — модальный субъект, оба вместе образуют модус, дополняющий диктум. Различаются эксплицитный и имплицитный модусы. Характерной формой выражения эксплицитного модуса является главная часть в составе сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным. В образовании таких предложений большую роль играют модальные глаголы, обозначающие суждение говорящего о предмете речи, диктуме. Модус и диктум дополняют друг друга [5].

По мнению Г.В. Гака, в российском языкознании различение денотативного (номинативного) и коммуникативно-модального аспектов предложения в сущности соответствует в общих чертах различию диктума и модуса. Под

диктумом он понимает пропозициональное значение — отображение определенного события, положения вещей («предметная ситуация»), модус же выражает то, что говорится о диктуме: кем, кому, когда, в каких условиях, с какой целью («речевая ситуация»). Модус «охватывает переменчивые элементы высказывания, субъективно окрашенные, зависящие от интенции говорящего» [6. С. 19–26].

М.И. Черемисина, Т.А. Колосова соотносят понятия «модус» и «диктум» с понятиями пропозиция, событие. Диктум понимается ими как «основное сообщение, референтом которого является некоторое положение дел в той реальности, которая отображается в речи. Объективная реальность противостоит связанному с нею психическому переживанию, языковое выражение которого понимается как модус. Для различения понятий «модальность» и «модус» авторы предпочитают называть модусами фрагменты предложения, содержащие модальную интерпретацию диктума: *я считаю/полагаю/уверен/мне кажется/может быть* и др. Модусы этого типа могут иметь форму предложений со свободно замещаемой позицией субъекта, прямого или косвенного (*я/ты убежден, мне/ему показалось ...*). Модусная часть предложения представляет собой специфическую пропозицию. Они дают следующее определение, которое, на наш взгляд, кажется наиболее точным: «Модус — это вербализованная субъективная интерпретация диктумного события, которая может даваться в аспекте модальности (то есть возможности, вероятности события и степени достоверности его) или в аспекте характера психической обработки представления/информации о диктумном событии» [7. С. 34–95; 8. С. 47–53]. В дальнейшей работе данное определение модуса берется нами за основу.

В лингвистике установлено, что модус может занимать по отношению к диктуму как начальную, так и конечную позицию. Инверсии модуса и пропозиции зависят прежде всего от семантики модуса. Значения эксплицитного модуса распределены по следующим основным планам: перцептивному (сенсорному) — модусы чувственного восприятия: *видеть, слышать, чувствовать* и др.; ментальному (когнитивному, эпистематическому) — модусы полагания: *думать, считать, казаться, представляться* и т.п., модусы сомнения и допущения: *возможно, может быть* и др., модусы истинной оценки: *правда, верно, неверно, невероятно* и т.п., модусы знания и незнания: *знать, не знать, быть известным* и др., модусы общей оценки: *плохо, хорошо* и др.; эмотивному — модусы эмоционального состояния: *грустно, жаль* и т.п.; волеизъявительному (волитивному) — модусы желания, волеизъявления и необходимости: *хотеть, желать* и др., *нужно, необходимо* и т.п. Все указанные модусы могут иметь субъективную валентность, могут не иметь ее и быть нейтральными.

Итак, подведем итоги по данному вопросу:

1. В каждом предложении можно выделить основное содержание (диктум) и модальную часть (модус). Модус выражает субъективное отношение говорящего/пишущего к основному содержанию предложения с точки зрения его достоверности/недостоверности.

2. Диктум и модус взаимосвязаны, они дополняют друг друга.

3. В плане выражения выделяются эксплицитные и имплицитные модусы. Основными формами выражения эксплицитного модуса являются главная часть в структуре сложноподчиненного предложения с придаточными изъяснительными, а также специальные показатели в простом предложении — вводные (модальные) слова и вставные конструкции различного типа, рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи. Далее остановимся коротко на одной из эксплицитных форм выражения модуса, а именно на сложноподчиненных предложениях (СПП) с придаточной изъяснительной частью.

Известно, что характерной формой выражения эксплицитного модуса считаются СПП изъяснительного типа, получившие в литературе название «псевдосложных предложений», где главная часть (модус) и придаточная часть (диктум) имеют свою модальность, выражаемую грамматически (наклонением, модальными словами, союзами). Единая модальность СПП данного типа есть результат «сложения» предикативных единиц его частей, то есть модуса и диктума. Модус занимает по отношению к диктуму прежде всего препозицию. В составе модусной конструкции решающая роль отводится модальным словам, в частности модальным глаголам, обозначающим суждение, чувства, восприятие говорящего о предмете речи, сопровождаемые предсказуемой/присловной связью [9–11].

Наши наблюдения позволяют считать, что стремление писателя к созданию естественной, доверительной беседы с читателем приводит его к эффективному использованию СПП с придаточным изъяснительным. Апелляция писателя к модусу служит для актуализации неожиданности, необычности сообщения, для создания атмосферы доверительности общения, для выражения эмфазы и т.д. В связи с этим в транскультурном тексте модусы служат показателями авторского заинтересованного участия в изображении событий, явлений, особенностей жизни и быта казахского народа, его географического местоположения; описанные события как бы «пропущены» писателем «сквозь себя», через его мировоззрение, миропонимание.

Без сложных предложений данного типа художественный текст писателя походил бы на роман-хронику, где исторические факты излагаются конкретно и точно, без актуализации субъективного фактора в повествовании. Поэтому в транскультурном тексте писателя-билингва речь повествователя, помимо философско-публицистических отступлений автора, сентенций, рассуждений, насыщена различными типами модуса — модусами перцептивного (сенсорного) плана (*видеть, слышать, чувствовать, видно, слышно* и т.д.),

модусами ментального (когнитивного) плана (*думать, считать, полагать, казаться, возможно, может быть* и т.д.) и др., т.е. такими, которые регулярно выражаются единицами русского языка, получившими в науке название «предикатов внутреннего состояния» [12–14]. Особенностью этих слов является их способность эксплицировать модусы, связанные с основными сферами внутренней жизни человека — мыслительной и эмоциональной.

Нами выделяются две основные группы СПП изъяснительного типа в зависимости от компонентов, составляющих главную часть — модус: 1) СПП, модус которых представлен предикативной конструкцией с опорным словом-глаголом, выражающим достоверность (*верить, знать, считать*), и 2) СПП, модус которых представлен предикативной конструкцией с опорным словом-глаголом, выражающим недостоверность информации (*думать, вспоминать, казаться, чудиться* и др.).

1. Сложные предложения первого типа в основном встречаются в речи персонажей, в отдельных случаях — и в собственно авторской речи. Такое соотношение в употреблении СПП изъяснительного типа, модусная часть которых выражает достоверность сообщаемого в придаточном — диктуме, закономерно, так как повествуется о событиях давно прошедших лет и говорить об их достоверности категорично от имени самого автора (*я знаю, я считаю, что...*) было бы некорректным. Анализ показал, что в контексте произведений данные конструкции СПП органично вплетаются в синтаксическую структуру речи персонажей, обретая при этом функциональную значимость. Ср.:

Манай продолжил беседу: «Горе одного не тяжелее печали народа», — говорили древние. Если сын останется жив, то вернется, если погибнет, то **я верю, что** он умрет, не опозорив чести ни своего рода, ни своего отца¹.

В речи старика Маная выражается уверенность в том, что его сын Кенже (единственный из оставшихся живых) лучше умрет, но не опозорит «чести ни своего рода, ни своего отца». На наш взгляд, с такой уверенностью может говорить тот отец, кто воспитывал настоящего джигита, воина, человека, знающего и почитающего обычаи и традиции своего народа.

СПП изъяснительного типа с модусной частью, выражающей достоверность сообщаемой информации, представлены в транскультурном тексте писателя-билингва не только в речи повествователя, но и в открытом авторском «слове». Рассмотрим фрагменты, в которых содержатся конструкции с использованием глагола *знать*: *знать, как...*; *знать, что...*; *знать о том, что...* и др. Например:

¹ Алимжанов А. Гонец. М.: Молодая Гвардия, 1974. С. 69.

После того как попытка открыть через третье лицо глаза Спаргапису окончилась неудачей, замолчал и Бахтияр. Он **лучше других знал, как страшна и безжалостна царица в гневе**²;

По рассказам Нургали он (Абен. — *Уточнение наше.*) **знал, что** старики проводили отца в последний путь с почестями: зарезали на поминки единственную корову. Закончится война, будет жив – приедет, поставит кладку на могиле³.

Как видим, семантическая структура предиката внутреннего состояния ‘знать’ дала возможность репрезентировать дополнительные модусные смыслы, заложенные в нем в ментальной области человека. Как правило, в художественный текст исторического характера, помимо основного содержания, вводятся подлинно исторические сведения. Так, например, в речи повествователя говорится о том, что после долгих преследований предводитель казахских повстанцев Махамбет был схвачен властями и посажен в царскую тюрьму в Калмыково, где он и узнает о подробностях многих преступлений. Например:

Находясь в тюрьме в Калмыково, **Махамбет узнал, что** на берегу Жаика атаман Донсков открыл огонь из орудий по кочевьям у брода, чтобы перейти на восточный берег — на свободные земли Среднего жуза. Река была затоплена трупами. А Кайбала, обещавший счастливую жизнь, бежал⁴.

С этих позиций интересны и фрагменты, в которых содержатся конструкции с использованием глаголов *утверждать, считать: утверждать/считать, что...* и др. Например, в СПП с придаточным изъяснительным:

Халебцы утверждают, что великий философ из Дамаска вновь вернулся в Халеб и последние дни жизни провел здесь, и потому, безусловно, Мухаммед аль-Фараби похоронен в этом городе, где-то возле старой крепости⁵.

Модусные конструкции фрагментов репрезентируют достоверную (‘утверждают’) либо относительно достоверную (‘считают’) информацию, представленную в диктуме сложных предложений, поэтому истинность сообщаемой

² Жанддарбеков Б. Томирис. Алматы: Жалын, 1975. С. 56.

³ Санбаев С. Дорога только одна. М.: Молодая гвардия, 1974. С. 50.

⁴ Алимжанов А. Стрела Махамбета. М.: Известия, 1983. С. 45.

⁵ Алимжанов А. Возвращение учителя. М.: Советский писатель, 1983. С. 248.

мого здесь относительная. И на самом же деле никто не знает точного места захоронения великого Учителя, сына двух народов — казахов и арабов.

Итак, модусы, выражающие достоверность излагаемой информации в диктуме, используются наиболее широко в речи персонажа (реже — в речи повествователя) и придают речи говорящего естественный, непринужденный характер, обогащая ее новым, национально ориентированным содержанием, накладываемым на знания читателя и обогащающим их. Схематически это можно представить следующим образом:

Имя собственное + **верю,
знаю,
считаю,** что (как)...

2. СПП, модус которых представлен предикативной конструкцией с опорными словами-глаголами *понимать, думать, вспоминать, казаться, чудиться* и др., выражающими недостоверность информации (и предположение, и воспоминание, и мечта, и иллюзия, и размышление и т.п.).

В транскультурном тексте писателя-билингва СПП данного типа используются широко и своеобразно. Анализ фактического материала позволил нам сделать следующую градацию в выражении значения недостоверности сообщаемого: а) модусная часть сложного предложения со значением недостоверности первой степени — выражение возможности, предположения информации (при помощи опорного глагола *понимать, думать, вспоминать* и т.п.) и б) модусная часть сложного предложения со значением недостоверности второй степени — выражение предположения малого до невозможного при помощи глаголов типа *казаться, чудиться*.

а) Модусная часть сложного предложения со значением недостоверности первой степени. Они чаще всего встречаются в речи повествователя для передачи внутренних переживаний, волнений, различных чувств и потому особенно субъективно мотивированы. Сравним:

Очень скоро Ишпакай **понял, что** удержать в повиновении эту грозную степную вольницу невозможно, если ее не объединить общей целью. И он, соблазнив кочевников заманчивой картиной богатства и славы, повел свои орды в дальний и тяжелый подход⁶.

Интересен тот факт, что рассматриваемая конструкция употребляется писателем и при описании животных, делая при этом более понятным для читателя их внутреннее состояние. Например, однажды в зимнюю пору Тани с

⁶ Жандарбеков Б. Томирис. Алматы: Жалын, 1975. С. 218.

маленькими детьми возвращалась домой и неожиданно в открытом поле встретила лицом к лицу с голодной волчицей. Забыв о страхе, Тани бросилась защищать своих детей. Сравним:

Волчица поняла, что встретила с непобедимой силой. **Поняла, потому что** знала эту силу в самой себе...⁷

б) СПП изъяснительного типа с модусной частью, выражающей вторую степень достоверности, — выражение предположения малого до невозможного при помощи различных форм глаголов *казаться*, *чудиться*. В художественном дискурсе писателя-билингва данная группа является самой многочисленной. Опорными словами модуса здесь выступают безличные глаголы *казаться*, *чудиться*. Отметим, что данные глаголы оказываются очень близкими по значению. Сравним: глагол *чудиться* означает — ‘казаться, мерещиться’, а слово *казаться*, помимо своих основных значений (‘иметь тот или иной вид, производить то или иное впечатление’; вводное: ‘как будто, по-видимому’), имеет еще одно: ‘представляться воображению’⁸. Анализ показал, что частотность употребления данных глаголов позволяет писателю перевоплощаться в своих героев, передавать их внутреннее состояние, думать их мыслями, чувствовать их радости, печали и т.п.

В связи с особенностями структуры модуса СПП изъяснительного типа нами приводится следующая градация: 1) модусная часть (субъектно-предикатная конструкция), включающая имя собственное или его эквивалент (личное местоимение) и безличный глагол, присоединяемая к диктуму при помощи союза *что*; 2) модусная часть, представленная определенной видо-временной формой безличных глаголов, присоединяемая при помощи союза *что*; 3) модусная часть в форме глагола *казаться*, присоединяемая к диктуму без союза *что*.

1. СПП изъяснительного типа, модусная часть (субъектно-предикатная конструкция) которого включает имя собственное или его эквивалент (личное местоимение) и безличный глагол — *чудиться*, *казаться*. Например, молодому талантливому композитору Курмангазы «кажется, мерещится» в вое ветра волшебный гул и пение родной земли:

Никто, кроме Курмангазы, пока не мог ощутить этот звон от воя ветра. **Курманашу почудилось, что** гудит и поет земля, у него захватило дух от могучих аккордов, от волшебного гула земли⁹.

⁷ Жаксылыков А. Шаг навстречу. Алматы, 1987. С. 98.

⁸ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1978. С. 240; 825.

⁹ Алимжанов А. Стрела Махамбета. М.: Известия, 1983. С. 92.

Здесь с помощью оценочного компонента в семантике предиката внутреннего состояния ‘(по)чудиться’ очень точно передан элемент творческого перевоплощения. Как известно, музыка, так же как и поэзия, имеет огромную силу воздействия на слушающих, тревожа их сердца, поднимая дух.

В следующем фрагменте сарбазам ‘кажется, видится’, что рядом с ними их друзья несутся лавиной, и это вселяет уверенность в освобождении и скорой победе — «*распрямились плечи джигитов*»:

Бурные, гневные, призывные аккорды тревожат сердце султана и поднимают дух пленных сарбазов.

Им чудится, что где-то близко лавиной несутся их друзья. От дробного стука копыт содрогается сердце. Распрямились плечи джигитов¹⁰.

Использование конструкции модуса возможно и без субъекта, тем не менее смысл излагаемого вполне понятен и завершен. Сравним:

Пели люди, **чудилось, что** это поет один человек с нежной глубокой душой, тоскующей по необыкновенному добру и любви...¹¹

Рассмотрим фрагменты, в модусной конструкции которых содержится в различных видо-временных формах безличный глагол *казаться*. Десятидневное вынужденное ожидание начала боя утомило сарбазов и раздражало их, вселило неуверенность в правильности такого решения предводителей Исатая и Махамбета; началось брожение в войске повстанцев, наблюдаются отдельные случаи измены, убийства. И во всем этом Махамбет винил только самого себя, ему *представлялось*, что «он причина всех бед и гибели Туке...»:

Ничто не удивило Махамбета — ни слова Исатая о том, что он, Махамбет, должен оставить его, ни уход батыра Асау, ни измена старшин берщцев... Его ошеломила весть о смерти Туке. **Махамбету казалось, что** он причина всех бед и гибели Туке...¹²

Приведем примеры СПП изъяснительного типа, в которых изображаются картины природы. Образное описание окружающей действительности у русскоязычного писателя сочетается с элементами метафоризации. Ср.:

Сеит вел Кенже по известным только ему одному тропам. А может, и тропинок-то не было. **Кенже казалось, что** небо опрокинулось на них, закрыв все пути...¹³

¹⁰ Алимжанов А. Стрела Махамбета. М.: Известия, 1983. С. 162–163.

¹¹ Жаксылыков А.Ж. Алма-Ата: Жазушы, 1987. С. 33.

¹² Алимжанов А. Стрела Махамбета. М.: Известия, 1983. С. 144.

¹³ Алимжанов А. Гонец. М.: Молодая Гвардия, 1974. С. 23.

Закат был чудесен, Солнце приблизилось к земле и запылало красным пламенем. Тысячи золотых стрел бросило оно в степь. **Курмашу казалось, что** лучи звенят, поют и по степи несутся сладостные звуки тихой песни¹⁴.

Анализ показал, что данная группа СПП изъяснительного типа наиболее многочисленная и продуктивная. В них структура модуса состоит из сочетания имени собственного (Курмаш, Кенже, Махамбет, автор/повествователь и др.) или его эквивалента (он, она, они и др.) в дательном падеже с различными видо-временными формами безличных глаголов *казаться, чудиться*. Схематично это выглядит так:

	СС		СП
М	= в дат. падеже (<i>имя собств. или местом.</i>)	+	в наст./прош. вр. (<i>кажется, по/казалось, чудится, почудилось</i>)

Примечание: М — модус; СС — семантический субъект; СП — семантический предикат

Наряду с рассмотренными выше типами модуса в транскультурном тексте писателя-билингва регулярно употребляется ее редуцированная форма — *казалось, кажется*, то есть используются глаголы без эксплицитно выраженного субъекта. В таких СПП речь персонажа полностью сливается с авторской. На наш взгляд, при изъятии семантического субъекта сам писатель проявляется ярче и выразительнее. Перед нами особое, нестандартное мироощущение, мировосприятие художника слова, отсюда и необычное, субъективированное творческое отражение реально существующей окружающей действительности. Рассмотрим это на примерах. Так, использование слова *казалось* помогает создать иллюзию непосредственного участия самого писателя в событиях:

Казалось, что массагеты и савроматы решили полечь все до единого на этом окровавленном поле¹⁵;

Алдияр остановился, оглянулся назад. **Казалось, что** слова Зарбая вывели его из оцепенения. Он услышал, как жиделинцы слали проклятья карателям, увидел Курмангазы, медленно перевел взгляд на Мынбая¹⁶.

Также в сложном предложении смысл недостоверности может быть передан при помощи субъектно-предикатной конструкции, присоединяемой

¹⁴ Алимжанов А. Стрела Махамбета. М.: Известия, 1983. С. 78

¹⁵ Жанддарбеков Б. Томирис. Алматы.: Жалын, 1975. С. 68.

¹⁶ Алимжанов А. Стрела Махамбета. М.: Известия, 1983. С. 177.

к диктуму без союза *что*. На наш взгляд, писатель преднамеренно опускает союз *что*, удлиняя паузу и тем самым акцентирует внимание читателя на данном моменте, достигая тем самым оценочной цели. Ср.:

«Брат... Мой брат...» — колотилось сердце, переполненное небывалым чувством светлой, чистой любви. **Мне казалось**, вот-вот лопнет в груди горячая, натянутая струна. Сейчас для Акана я готов был пойти на все¹⁷.

Итак, модусы в структуре сложных предложений в виде форм глаголов *казалось*, *оказалось*, *кажется*, присоединяемые к диктуму при помощи союза и без него, стилистически мотивированы единой авторской точкой зрения на описываемые события. Модус находится обязательно в препозиции к диктуму сложного предложения, выделяется интонационно и графически. Схематически модус выглядит так:

М = **кажется,**
 казалось, **что/как + Д**
 оказалось,

Примечание: М — модус; Д — диктум

Заключение

Итак, в результате анализа транскультурного текста русскоязычного писателя-билингва нами сделаны следующие выводы:

1. СПП изъяснительного типа с модусной частью, представленной сочетанием имени собственного или его эквивалента в дательном падеже в функции семантического субъекта (и без него) с разными формами безличных глаголов *казаться*, *чудиться* (*казалось*, *оказалось*, *кажется*; *чудится*, *почудилось*), выбраны художником слова не случайно. Их использование в художественном дискурсе стилистически и семантически мотивировано, так как писатель в своих произведениях стремится «представить воображению» историческое прошлое и/или то или иное событие настоящего, при этом нереально гарантировать полную достоверность его.

2. Недостоверная информация передается путем привлечения художественного вымысла, домысливания, творческого перевоплощения писателя, что неизбежно репрезентируется средствами языка, а подлинные исторические факты легко и естественно вклиниваются в текст произведения, не нарушая плавного течения авторского повествования. Для выполнения этих задач и употребляются рассмотренные выше конструкции сложных предложений.

¹⁷ Жаксылыков А. Окно в степь. Алматы, 1987. С. 30.

3. Кроме основной функции оценки диктума, то есть того, что «представляется воображению» субъекту речи, модус выполняет и дополнительные функции: отражение специфики мировоззрения национального писателя, его творческого мировосприятия, особенностей его ЯКМ; стремление к реальному отражению важных событий из жизни казахского народа, придание торжественности, образности речи повествователя и персонажей произведений; желание «оживить» не только давнопрошедшие события, но и их участников и т.д.

Все сказанное прекрасно удается выполнить русскоязычному писателю, так как описываемые события, факты, образы и их чаяния «пропущены» художником слова «сквозь себя», прочувствованы им и предопределяют, на наш взгляд, адекватное декодирование информации от реципиента/читателя. Следовательно, модальную интерпретацию диктума СПП изъяснительного типа можно считать одним из продуктивных способов экспликации модусных смыслов с точки зрения достоверности/недостоверности излагаемой информации, а конструкции такого типа являются эффективными способами реализации авторского отношения к изображаемому.

Список литературы

1. *Бахтикиреева У.М.* Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения): монография. Изд. 2-е, доп. Астана: Изд-во «ЦБО и МИ», 2009.
2. *Бахтикиреева У.М.* Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2005.
3. *Туманова А.Б.* Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва: монография. Алматы: КБТУ, 2010.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955.
6. *Гак В.Г.* О категории модуса предложения // Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин: КГУ, 1978. С. 19–26.
7. *Черемисина М.А., Колосова Т.А.* Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
8. *Колосова Т.А.* О диктуме и модусе в сложном предложении // Филологические науки. 1979. № 2. С. 47–53.
9. *Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис. М.: Наука, 1988. 240 с.
10. *Чумаков Г.М.* Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев: Вища школа, 1975.
11. *Зализняк А., Падучева Е.В.* О семантике вводного употребления глаголов // Вопросы кибернетики. Прикладные аспекты лингвистической теории. М.: Кибернетика, 1987. С. 80–96.
12. *Дешериева Т.И.* О соотношении модальности и предикативности // Вопросы языкознания. 1987. № 1. С. 34–45.
13. *Зализняк А., Падучева Е.В.* Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989.

14. Касевич В.Б., Храковский В.С. От пропозиции к семантике предложения // Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука, 1985.

References

1. Bakhtikireeva, U.M. 2009. Creative bilingual personality (features of the Russian text by an author of Turkic origin): monograph. Astana: Publishing house “TsBO and MI.” Print. (In Russ.)
2. Bakhtikireeva, U.M. 2005. “Literary bilingualism and features of the Russian literary text of a bilingual writer.” Author’s abstract. dis. ... Dr. Philol. Sciences. Moscow. Print. (In Russ.)
3. Tumanova, A.B. 2010. A contaminated linguistic picture of the world in the artistic discourse of a bilingual writer. Monograph. Almaty: KBTU publ. Print. (In Russ.)
4. Linguistic encyclopedic dictionary. 1990. Edited by V.N. Yartseva. Moscow: Soviet Encyclopedia publ. Print. (In Russ.)
5. Bally, S. 1955. General linguistics and issues of the French language. Moscow: Foreign literature publ. Print. (In Russ.)
6. Gak, V.G. 1978. “On the category of sentence mode.” In Sentence and text in the semantic aspect. Kalinin: KSU publ., pp. 19–26. Print. (In Russ.)
7. Cheremisina, M.A., and T.A. Kolosova. 1987. Essays on the theory of complex sentences. Novosibirsk. Print. (In Russ.)
8. Kolosova, T.A. 1979. “On dictum and mode in a complex sentence.” *Philological Sciences*, no. 2, pp. 47–53. Print. (In Russ.)
9. Shmeleva, T.V. 1988. Semantic syntax. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
10. Chumakov, G.M. 1975. Syntax of constructions with foreign speech. Kyiv: Vishcha shkola publ. Print. (In Russ.)
11. Zaliznyak, A., and E. Paducheva. 1987. “On the semantics of introductory use of verbs.” Questions of cybernetics. Applied aspects of linguistic theory. Moscow: Cybernetics, pp. 80–96. Print. (In Russ.)
12. Desherieva, T.I. 1987. “On the relationship between modality and predicativity.” *Questions of linguistics*, no. 1, pp. 34–45. Print. (In Russ.)
13. Zaliznyak, A., and E. Paducheva. 1989. “Predicates of propositional attitude in a modal context.” In Logical analysis of language. Problems of intensional and pragmatic contexts. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
14. Kasevich, V.B., and V.S. Khrakovsky. 1985. “From proposition to sentence semantics.” In Typology of constructions with predicate actants. Leningrad: Nauka. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Туманова Айнакуль Бектасовна — доктор филологических наук, профессор, кафедра русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет им. аль-Фараби. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Bio note:

Ainakul B. Tumanova is a Doctor in Philology, Professor, Department of Russian Philology and World Literature, al Farabi Kazakh National University. E-mail: a.tumanova@inbox.ru